

Глава первая. Эпоха ранних буржуазных революций

Если первое имевшее общеевропейское значение выступление широких народных масс против феодальных порядков, крестьянская война в Германии, потерпело поражение, то в Нидерландах и в Англии в XVII в. произошли победоносные буржуазные революции. Глубокие потрясения, вызванные становлением буржуазных общественных отношений в бытии европейцев, в их социально-политической и экономической жизни, сопровождались существенными изменениями в их сознании. Тесно связанное с нарождающимся капитализмом совершенствование техники производства и путей сообщения, с одной стороны, требовало такого глубокого научного постижения законов природы, без какого прежде можно было обойтись, а с другой - создавало предпосылки для научных исследований, позволяющих эти законы открыть. В мануфактурах начинают применяться некоторые механические устройства, машины.

Одно за другим следуют выдающиеся открытия, приносящие с собой коренные перемены в науках. От появления "Диалога о двух великих системах мира" Галилея (1632) до опубликования "Математических принципов натуральной философии" Ньютона (1687) прошло всего 55 лет, и за этот же короткий период впервые увидели свет важнейшие математические и естественнонаучные произведения Декарта, Ферма, Паскаля, Лейбница, Гюйгенса, Гарвея. Бурное развитие наук, их поразительные, полученные в столь короткий срок завоевания внушают передовым умам века убеждение и в истинности уже добытой научной информации, и в неограниченных возможностях дальнейшего научного прогресса.

Декарт был уверен в том, что способность отличать истинное от ложного дана человеку в таком виде, чтобы

при ее правильном употреблении он "никогда не мог ошибаться" [9, с. 372]*. Спиноза всецело разделяет эту уверенность Картезия. Неопровержимая истинность научных знаний, добываемых "при правильном употреблении" имеющихся в распоряжении людей средств познания, не подлежит сомнению для Бэкона, Гоббса, Лейбница.

Нашедшие свое выражение в философских учениях, созданием которых была ознаменована эта эпоха, перемены в материальной и духовной жизни общества, перемены, неизбежные в век, когда произошли первые в истории буржуазные революции, были очень глубоки. Но своеобразие рассматриваемого исторического периода определялось как тем, что тогда в недрах феодального общества происходило развитие нового социально-экономического уклада, так и тем, что не только во Франции и Германии, которых от буржуазной революции отделяли очень длительные сроки, но и в других странах, даже в Нидерландах и Англии капиталистические отношения не достигли еще зрелости, не достиг зрелости и класс, являвшийся носителем нового способа производства. И в сфере экономики и социально-политических отношений, и в умственной жизни европейцев сохраняется и продолжает играть важную роль (хотя зачастую и в видоизмененной форме) ряд существенных элементов, унаследованных от Средневековья.

Это, в частности, находит свое выражение в том, что освящавшие феодальный строй и господствующие в духовной жизни феодального общества религиозные представления и в XVII в. настолько прочно владеют умами и широких масс, и образованной части общества, что, как правило, и экономические интересы, и социально-

* Здесь и далее в круглых скобках первое число (арабскими цифрами) - порядковый номер в списке литературы, второе (римскими цифрами) - номер тома, если издание многотомное, третье - страницы источника, а для античных текстов - порядковый номер фрагмента.

политические требования, и даже сама борьба против феодальных порядков и учреждений выступают в религиозном облачении: и в Нидерландах, и в Англии революции совершались под религиозными знаменами. Хотя учения крупнейших мыслителей века подрывали основы всякой религии, они, кроме Спинозизма*, не были атеистическими. Антитеологический характер Бэконовской теории подлинного знания не мешает ее творцу утверждать, что откровению может противоречить лишь поверхностное знание природы вещей, а более глубокое ее научное познание делает человека горячо верующим. Декарт и Лейбниц утверждают, что мир нельзя исследовать, руководствуясь положениями теологии, которую не следует смешивать с наукой, с философией. Но понятие Бога они не просто приемлют, а отводят ему в своих системах чрезвычайно важную роль.

Хотя ни Бэкон и Гоббс, ни Декарт и Гассенди, ни Локк и Лейбниц в своей критике религиозных представлений Средневековья не заходят дальше деизма, но для всех этих крупнейших мыслителей XVII в. характерна антиавторитаристская, антимистическая позиция, которой, разумеется, не разделяло подавляющее большинство их современников.

Особенности умственной жизни Франции в рассматриваемое время связаны с тем, что в ней происходило не только в XVII столетии, но и в предшествующий ему период.

В ходе охватившей страну гражданской войны, длившейся с перерывами более тридцати лет (1562-1594), обе партии творили чудовищные зверства, массовые убийства, не гнушались самым низким вероломством. Только в Варфоломеевскую ночь (24 августа 1572 г.) в стране было убито около ста тысяч человек. И католики, и гугеноты, захватывая города "противника",

* Позиция которого в отношении атеизма отнюдь не была последовательной.

грабили и жгли все на своем пути, вырезали целые семьи, надругались над безоружным населением.

В результате гугенотских войн Франция в ряде отношений возвратилась к феодальной раздробленности, в ней фактически исчезла центральная власть. Ее место заняло несколько правительств: гугенотское, возглавляемое королем Наварры Генрихом Бурбоном, католическое, возглавляемое Генрихом Гизом, Парижская лига, возглавляемая "Комитетом шестнадцати", и правительство Генриха III Валуа и Екатерины Медичи.

Но решительное усиление королевской власти, образование под ее эгидой единого национального государства являлись в то время необходимыми условиями экономического, политического, умственного прогресса французского общества, все стороны жизни которого несли еще на себе глубокую печать Средневековья. На этом этапе истории королевская власть, борясь против центробежных сил феодального общества, "выступает в качестве цивилизующего центра, в качестве основоположника национального единства" [1, т. 10, с. 721]. Восстановление позиций абсолютизма, начавшееся при положившем конец гражданской войне Генрихе IV, в ряде отношений существенно способствовало экономическому прогрессу Франции. Хотя она и в XVII в. оставалась аграрной страной, в которой феодальный способ производства продолжал занимать господствующее положение и экономика развивалась гораздо медленнее, чем в Нидерландах и в Англии, но и в этом веке здесь появляется все больше мануфактур в металлургии, обработке металлов, в производстве стекла, сукон, шелковых и льняных тканей, ковров, кружев. Королевская власть покровительствует внешней и внутренней торговле, получающим значительное развитие.

Но во многом способствовавшая развитию нового социально-экономического уклада победа абсолютизма над силами феодальной реакции оказалась во Франции вместе с тем и победой католической церкви - оплота

старой, унаследованной от Средневековья идеологии. Последнее обстоятельство сравнительно меньше ощущалось в первой половине XVII в., когда процесс усиления королевской власти и тесно с ним связанное усиление влияния на политику государства клерикальных кругов еще не зашли так далеко, как это произошло позднее в царствование Людовика XIV. В первой половине века заметную роль в умственной жизни страны играют немногочисленные, но влиятельные "ученые вольнодумцы" ("либертены", *libertains*). Из их числа наибольшую известность получила так называемая "Тетрада", четверка: Пьер Гассенди, Франсуа Ламот Левайе, Эли Диодати и Габриель Ноде.

Диодати, подготовивший французский перевод "Диалогов" Галилея, стремясь ознакомиться с последними достижениями крупнейших ученых века, налаживая связи между ними, неоднократно объезжал почти всю Западную Европу, неоднократно навещая Кремонину, Гуго Гроция, Гюйгенса, Бэкона, Гоббса, чаще всего - Галилея. Галилей через посредство Диодати переписывался со своими зарубежными коллегами, прежде всего - Гассенди. Ученый медик Ноде был автором трудов по медицине, фармакологии, истории, военному делу. Пятнадцатитомное собрание сочинений Ламота Левайе содержит работы по философии, логике, истории, географии, по проблемам искусства. И Ноде, и Диодати, и Ламот Левайе - горячие поборники рождающейся в это время науки Нового времени. То же следует сказать о принадлежавших к ближайшему окружению Гассенди его друзей - Ги Патене и Самюэле Сорьере.

Глава "Тетрады" Гассенди, профессор математики королевского коллежа, был одним из крупнейших ученых века. Как астроном он первым изучил паргелии (ложные солнца) и северное сияние, первым наблюдал предсказанное Кеплером прохождение Меркурия через диск Солнца. Как физик он опубликовал совместно с

Ферма работу "Об ускорении при падении тяжелых тел", осуществил ряд экспериментов, подтверждающих учение Галилея о движении, среди которых, как справедливо отмечает А. Койре, особенно важен эксперимент, поставленный Гассенди для проверки мысли Галилея об инерциальном характере движения, эксперимент, по сути дела, предвосхищающий сформулированный позднее Ньютоном первый закон его механики [47, с. 65-66]. "...Его влияние на науку, - говорит Д. Бернал, - было очень велико" [4, с. 256].

Таким образом, члены "Тетрады", "гассендисты", были не только страстными поборниками революции, происходившей в науке, но и ее активными участниками.

В своих письмах и произведениях Гассенди не только подчеркивал свою приверженность философии Эпикура, но неоднократно повторял также, что является единомышленником античных скептиков, Монтеня, "моего друга Шаррона", часто отстаивал скептические положения и пользовался скептической аргументацией.

Основоположения христианства, по Гассенди, это не знание, "поскольку тут нет соединения очевидности и уверенности и в основу всего положены не доказательства... а лишь вера, которая находит себе опору в откровении и божественном авторитете" [6, т. 2, с. 340].

В возражениях Декарту Гассенди разъяснял, что "идея Бога отвлечена от вещей" [6, т. 2, с. 420]; что она "не содержит в себе больше реальности, чем совокупность конечных вещей, из идей которых образована указанная идея Бога" [6, т. 2, с. 431]; что не только невозможно вывести существование Бога из идеи о нем, но и сама эта идея неясна, неотчетлива и антропоморфна.

В книге "Об истине" Герберт Черберн утверждал, что признание существования Бога, обязанности его почитать и вести добродетельную жизнь, а также признание бессмертия души - положения для всех нормальных людей несомненные, в них могут усомниться лишь сумас-

шедшие. В своем письме Герберту Гассенди возражает: положения - существует Бог, существует бессмертные души и другие перечисляемые английским философом якобы несомненные положения - "все это далеко не в одинаковой мере признается всеми. Более того, некоторые народы... и даже некоторые философы... убеждены в противоположном. И если я всех их буду считать нездоровыми и поврежденными в уме, то они скажут, что скорее я сам нездоров и умалишенный" [6, т. 1, с. 98-99]. Ведь философы, отвергающие религию, "признают аргументы, - говорит Гассенди, - но отклоняют веру, когда речь идет об истине, на том основании, что если не твердо установлена правдивость говорящего, вера может заставить принять ложь за истину" [6, т. 1, с. 101-102].

Воззрения членов "Тетрады", главой которой был Гассенди, близки к его взглядам. Антихристианскую направленность скептицизма Ламота Левайе отмечают почти все исследователи, даже Ж. Шевалье. Он подчеркивает, что в ряде анонимно опубликованных своих работ Левайе "открыл нам глубокую основу своей доктрины, которая менее всего является христианской" [40, т. 2, с. 61-62].

Разработав учение о наблюдении и эксперименте как важнейших средствах познания и применяемых при исследовании законов ("форм") природы индуктивных умозаклчениях, Бэкон явился основоположником эмпиристской гносеологии. Декарт же, провозгласив источниками достоверного знания интуицию, т.е. истины, самоочевидные для разума, заключенные в нем изначально, и дедукцию, стал основателем рационалистической гносеологии. И эти мыслители, и их последователи стараются отделить науку от теологии, убеждены, что философия должна всецело основываться лишь на науке, развивающей свою деятельность совершенно автономно. В XVII в., справедливо отмечает Ж. Шевалье, "наука становится для философии тем, чем была для нее в Средние века теология: ее главной пищей, ее регули-

рующим принципом" [40, т. 2, с. 17]. Хотя почти все выдающиеся мыслители века были людьми религиозными, а в философских системах некоторых из них (особенно Декарта и Лейбница) понятие Бога и теоретическое обоснование некоторых религиозных положений играло чрезвычайно важную роль, заявление Спинозы - "Между верой или богословием и философией нет никакой связи или никакого родства" - [23, т. 2, с. 192] лишь резко формулировало взгляд, которого придерживались все великие философы XVII в.

Передовая философская мысль века требовала, чтобы место книжной учености, экзегезы Писания и творений "признанных авторов", место оторванных от действительности умозрений схоластики заняла философия, всецело опирающаяся на результаты, полученные науками, исследующими не написанные людьми книги, а человека, его дух и его тело, и окружающий его мир, "книгу природы". А результаты эти представляли собой в век научной революции, с одной стороны, замечательные открытия, полученные посредством тщательно поставленных наблюдений, экспериментов и индукции, открытия, благодаря которым XVII век стал веком опытного естествознания; с другой стороны, этими результатами были составившие эпоху достижения дедуктивной науки - математики.

Поскольку среди наук о природе в это время первое место заняла механика земных и небесных тел, своими успехами в значительной мере обязанная применению и развитию математики, и все естествоиспытатели разделяли убеждения Галилея, что книга природы написана на математическом языке, существовала известная связь между индуктивно-эмпирическими и дедуктивно-теоретическими результатами научных исследований. Не случайно одни и те же гениальные ученые (Декарт, Паскаль, Ньютон, Лейбниц), занимаясь и эмпирическими исследованиями различных явлений природы, и

разработкой новых математических теорий, обогатили великими открытиями обе эти научные области.

И сложность и большие масштабы введенных в это время в обиход науки экспериментальных исследований, и широкое применение и развитие математических методов влекли за собой коренное преобразование всего строя мышления. Хотя в некоторых отношениях философская и научная мысль XVII в. существенно отличалась от предшествовавшей ей ренессансной мысли, но между ними существовала также и преемственность. Продолжение и углубление в XVII столетии борьбы против средневекового образа мышления, развернутой гуманистами предшествующих веков, борьбы, повлекшей за собой тот глубокий переворот в сознании европейцев, каким была ознаменована эпоха Возрождения, вызвали новый, еще более глубокий переворот в их умственной жизни. "Научная революция, происходившая в эти годы, была не только естественнонаучной революцией, но величайшим переворотом в истории миропонимания в целом". "Если первой такой революцией в истории человечества был переход от мифологического мировоззрения к натурфилософскому, то рассматриваемая эпоха была началом второй универсальной интеллектуальной революции, открывшей путь к научному миропониманию, положившей начало философии Нового времени" [1, с. 10].

От Средневековья европейское общество унаследовало представление о ничтожестве человека, о том, что естественные силы, имеющиеся в его распоряжении, предоставляют и его деятельности, и его познанию крайне скудные, жалкие возможности. Отвергая это представление, Декарт вслед за Бэконом пишет: "Вместо той умозрительной философии, которую преподают в школах, можно найти практическую философию, при помощи которой, зная силу и действие огня, воды, воздуха, звезд, небес и всех других окружающих нас тел так же отчетливо, как мы знаем различные занятия наших

ремесленников, мы могли бы точно таким же способом использовать их для всевозможных применений и тем самым сделаться хозяевами и господами природы" [9, с. 305]. Гоббс, Гассенди, Спиноза, Локк, Лейбниц всецело разделяли это мнение Бэкона и Декарта. Все они были уверены, что по мере того, как науки будут доставлять людям все более полные и более точные знания, а люди научатся применять их в своей деятельности, власть человека над природой и над его собственной жизнью будет безгранично возрастать.

Сочетание антифидеистического скептицизма и рационализма мы находим и у Ноде, Диодати, Ги Патена и Сорбьера. Конечно, позиция отдельных "гассендистов" в отношении религии не была идентичной. Если Левайе стоял, по-видимому, на позициях деизма, то Ноде так же, как и другой ученик Гассенди - Сирано де Бержерак, был решительным атеистом. Сам Гассенди атеистом не был. "Если не по форме, то по существу своих религиозных воззрений он был близок скорее к деизму" [6, с.184]. Не был атеистом и Диодати. "Но, - справедливо замечает Р. Пентар, - это не мешало и тому и другому, жившим в теснейшей и искреннейшей дружбе... с Ламотом Левайе и Ноде, разделять с ними то, что в них было менее всего христианского и из-за чего возникла опасность, что их поведение вызовет возмущение набожных душ и что будет нанесен вред христианству того времени" [55, т. 1, с 177].

Конечно, круг людей, усваивавших идеи "Тетрады", которой приходилось так тщательно таить свои смелые мысли от общества, где царили традиционные представления, был довольно узок. Но было бы ошибкой недооценивать влияния скептицизма "Тетрады" на умы ее образованных современников. "...В 20-30-х годах XVII века скептицизм во Франции казался серьезным, трудноопровержимым философским учением" [2, с. 89]. Именно влияние, которым тогда пользовалось это учение, побудило Декарта избрать в качестве исходного